

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *Е. Анисиной*

Ранее книга выходила под названием
«Обручение на Чертовом мосту»

Арсеньева, Елена Арсеньевна.
А85 Крепостная графиня / Елена Арсеньева. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-106161-6

Объяснение в любви, поцелуй, тайное венчание — и вот уже Ирена Сокольская жена графа Игнатия Лаврентьева! Осталось всего ничего: получить благословение батюшки — и жить как настоящая семья. Но что это? Игнатия в имении никто не встречает подобающим образом. Более того — оказывается, он... крепостной! А значит, и его супруга тоже. Чтобы смыть позор, Лаврентьев убивает себя. Ирена пытается спастись бегством, но на Чертовом мосту ее ждет засада. Или не засада, а сама судьба — в виде прекрасного незнакомца, объятия которого показали ей дорожку всего на свете...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106161-6

© Арсеньева Е. А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Раба ли я, или подруга — знает Бог.

Е. Ростопчина

Пролог

— *У*е желаете ли, господа, все-таки примириться?

Берсенев криво улыбнулся. К чему дурацкие вопросы? Впрочем, этого требует дуэльный кодекс... Ах, как напыжился его противник! Полнейшее ничтожество, расфранченный хлыщ, блестящие лайковые перчатки которого, кажется, составляют его единственное право на звание человека. У этого господина такой вид, словно он впервые прилично оделся. Надо думать, и дуэльное оружие он возьмет в руки впервые, а стало быть, не попадет в цель.

Эх, жаль! Берсенев будет держать хорошую мину при плохой игре, однако он-то знает: с такой охотой принял вызов именно потому, что решил предоставить судьбе шанс. Как это аттестовали его на днях: «С такой хандрой просто неприлично появляться между людьми! Первый раз вижу человека, который утратил вкус к жизни после получения столь громадного наследства!»

Он утратил не вкус к жизни. Он утратил счастье всей своей жизни!

Некое имя прошелестело в его памяти, словно цветущая ветвь сирени. Странное, прекрасное имя. Раньше он слышал его не раз, но тогда оно звучало обыкновенно, казалось совершенно обыденным. И лишь применительно к ней, к ней одной...

Берсенеv очнулся, почувствовав вдруг, что все уставились на него: и этот юнец, Станислав Белыш, его новоиспеченный знакомец и секундант, и секундант противника, и сам противник, прорывавший:

— Мириться с этим негодяем? С этим ничтожеством? Да ни за что на свете!

— Довольно, — попросил Берсенеv почти ласково. — Вы уже все сказали, что следовало, и этого вполне достаточно, чтобы я убил вас десять или десятижды десять раз. И, может быть, хватит время терять? Я еще надеялся быть сегодня на Конской площади: если помните, вчера по вашей милости я так и не купил себе жеребца взамен моего ненаглядного Байярда.

И тут же он спохватился — зачем кому-то знать о Байярде, об Адольфе Иваныче, о побегах и предательствах, невозвратимых потерях?

Его противник как-то странно, конфузливо хотнул. Его одежда, смешки, его нависшие черные брови и рейтарские усищи казались нелепыми, театральными. Да и фамилия была подходящая: Софоклов. Не фамилия, а словно бы дурной театральный псевдоним. А предлог, под которым он вызвал Берсенева?! Якобы тот обесчестил его сестру!

Услышав это, Станислав Белыш, который до сей минуты взирал на Софоклова насмешливо, помрачнел:

— Ну, коли за сестру... За сестру я бы тоже стрелялся с кем угодно!

Берсенева же только плечами пожал. В жизни не знал он ни одной мамзель Софокловой, не то чтобы бесчестить ее! Разве что в былые времена, когда путался с певичками или девками из номеров? Но среди них отнюдь не встречалось невинных девиц... Вранье, конечно, какое-то. А, вранье — да и ладно, не все ли равно, отчего помирать?

«Актеришка, — тоскливо подумал Берсенева. — Ну, надо надеяться, стрелять-то тебя выучили на подмостках, или ты просто подымал картонный, раскрашенный пистолет, в то время как за сценою кто-то кричал: «Ба-бах!», в лучшем случае ударяя в деревяшку?»

Он нахмурился. Мучительное воспоминание проплыло в голове, и это опять было связано с нею, с его незабываемой пропажей: как она выскочила на сцену в синем китайковом сарафанчике, полотняной рубашке и новеньких лапотках, а поодаль ударили чем-то деревянным, словно бы выстрелили, и она вздрогнула в притворном испуге, проговорила: «Ах, вот он идет!» — и на ее лице было такое чудесное, несравненное выражение пробуждающейся любви, ожидания, надежды, что у Берсенева сердце зашло, ибо он возмечтал, чтобы лишь к нему одному, никому иному, были бы устремлены отныне ее любовь, ожидания и надежды!..

Берсенеv тряхнул головой, вызывающе улыбнулся противнику и, повинуясь команде Станислава: «Начинаем. Разойдитесь, господа!» — пошел в густой, как молоко, туман.

Ну что ж, он готов к любому исходу. Дела вполне в порядке. Несколько необходимых писем были написаны ночью, а в их числе — распоряжения по имениям, а также — еще одно, самое для Берсенева важное. Оно было запечатано в конверт с надписью: *Станиславу Бельшу*, а внутри находилась записка, в которой Берсенеv поручал своему молодому приятелю исполнить его предсмертную волю и отыскать, пусть и через год, и через десяток лет, некую особу... Здесь Берсенеv перечислял все сведения, какими только располагал о ней. Скудны были они, и слабо верилось, что Станиславу удастся совершить то, что не удалось ему самому. Впрочем, оставалась еще надежда на небеса, которые могут проявить снисходительность к последней, предсмертной просьбе.

Да он что, уже почти уверился, что падет от руки этого, как его там... Софоклова?

Берсенеv невольно усмехнулся. Чудеса! Чем дальше, тем меньшее отвращение вызывал в нем Софоклов. Конечно, он был негодяй — но какой симпатичный негодяй! Правда, иногда он становился по-вчерашнему патетически гадоk, этак старательно отвратителен. Однако сейчас, когда туман надежно скрыл его ужимки, Берсеневу вдруг показалось, что всю эту отвратительность Софоклов нарочно напускал на себя, и его кошмарные манеры, и повадки, и само оскорбление, за коим последовал вызов, — не более чем спектакль, маскарад. Вообще

удивительно, как это Софоклову удалось до такой степени его раззадорить, чтобы поставить на грань выбора между жизнью и смертью.

И тут его размышления были прерваны окликом, долетевшим из белой туманной завесы:

— К барьеру! Сходитесь, господа!

«Пора!» — сказал себе Берсенев и двинулся вперед, отсчитывая шаги и напряженно всматриваясь в мутную кисею, маячившую перед его глазами.

«Один, два... Может быть, вовсе не стрелять? Нет, наоборот, лишь завижу Софоклова, надо выпалить над его головой, а потом уж дать возможность ему... Расстояние-то плевое! Пять, шесть...»

Берсенев поднял руку с пистолетом и невольно вздрогнул, когда впереди забрезжили очертания человеческой фигуры. Как, уже? Он не ожидал, что так скоро... К тому же проклятый туман забавлялся со зрением. Софоклов сделался выше, тоньше, а ужасающие цвета его одежды мутно почернели.

«Семь, восемь...»

Берсенев вскинул пистолет повыше, чтобы пуля наверняка прошла над головой противника.

«Девять... десять!»

Он медленно потянул курок, и...

И нога его скользнула по гладкому корню, словно нарочно вылезшему из земли. Пистолет дернулся вниз, палец резко рванул курок.

Грянул выстрел.

Черный силуэт, качнувшись, высоко взметнул руки — и боком повалился наземь.

Берсенев застыл на месте, медленно опуская отяжелевший пистолет.

— Черт... упал! Ссылка на поселение или крепость от шести лет и восьми месяцев до десяти лет.

— Ну что вы! Не более трех! Уж поверьте, я дело знаю.

— А ежели убит?

— Тогда на поселение пойдет, не миновать. Да и нас не помилуют.

Перебрасываясь короткими, отрывистыми фразами, секунденты со всех ног летели к упавшему.

Берснев, с трудом заставив себя тронуться с места, медленно шел туда же.

Голова его была пуста до нездешнего гулко-го звона, а белые волокна тумана мешались с кровавой мутью, застилавшей глаза.

Секунденты оказались проворнее, вместе подскочили к Софоклову, вместе склонились над ним — и вместе, резко, будто по команде, отпрянули с одинаковым восклицанием:

— О Господи!..

«Наверное, все-таки убил! — похолодел Берснев. — И, наверное, какая-нибудь ужасная рана. В лицо... может быть, в глаз!»

Его передернуло от ужаса; кое-как заставил свои деревянные ноги передвигаться быстрее.

Тяжело подбежал, навис над головами секундентов — и вдруг замер, как они, потом так же отпрянул — и тоже помянул Господа.

Этот человек, лежавший на тропе, неловко подогнув ногу и разбросав руки, в одной из которых был пистолет... он не был Софокловым! Весь в черном, в высоких «веллингтоновских» сапогах и мягкой «калабрезе», нахлобученной так глубоко, что по-

висшие поля прикрывали пол-лица, он был одет иначе и выглядел иначе!

— Кто это? Кого вы пристрелили, милостивый государь? — отрывистым, неприязненным тоном спросил секундант Софоклова. — Это убийство, знаете ли, чистейшей воды...

Не слушая, Берсенеv распахнул просторный черный сюртук лежащего, да так и ахнул, увидев, что правое плечо все залито красным. Но не только это поразило его в самое сердце. Набухшая кровью белая рубаха ощутимо вздымалась на груди!

— Женщина? — изумленно прошептал секундант.

— Неужели?..

Внезапно Станислав Бельш, издав какое-то неразборчивое восклицание, схватился за шляпу, рванул — и... и тонкие русые волосы хлынули мягкой волной. Станислав сдвинул их дрожащей рукою — открылось нахмуренное лицо, такое бледное, каких не бывает у живых людей, а только у мертвых... или у призраков.

«Призрак, — подумал Берсенеv. — Конечно, это призрак!»

И тут же он услышал чей-то глухой, совершенно незнакомый голос, отчаянно зовущий:

— Арина! Господи Боже мой! Арина!

«Это я говорю, — с усилием осознал он. — Это мой голос. Станный какой!»

Мысль мелькнула — и исчезла. Он протянул дрожащую руку к любимому лицу, и вдруг что-то больно рвануло его за плечо.

Оглянулся, тупо уставился на своего секунданта — тоже смертельно бледного, с расширенными, безумными глазами.

— Вы убили мою сестру, милостивый государь! — воскликнул Станислав срывающимся голосом. — Мою сестру! И позвольте вас спросить, какого черта вы называете ее Ариной?!

Глава I
ВЕКИ ВЕЧНЫЕ

«... Если папа узнает — убьет!» — отрешенно подумала Ирена, и в этот миг настойчивый рот Игнатия заставил ее чуть разомкнуть губы.

«О Господи! Я целуюсь! Я в самом деле целуюсь!» Ирена едва не вскрикнула, однако при всем желании сделать это было затруднительно: мешали горячие губы Игнатия.

На миг перед мысленным взором промелькнули вытаращенные глаза Лидочки Константиновой, которая потрясенно слушает снисходительный рассказ Ирены о том, что, собственно, и есть поцелуй; потом с некоторым сожалением Ирена вспомнила, что Лидочка Константинова отныне — всего лишь тень невозвратимого смольненского прошлого; потом всякие детские глупости улетучились из головы Ирены, и она подумала, что, пожалуй, надо как-то отвечать Игнатию, а не стоять столбом. Ведь пока что он целует

ее, а слово «целоваться» как-никак предполагает участие двоих...

Но она не знала, что делать. А потому решила повторять все его действия — ведь повторенье, как известно, мать ученья. Поговорка сия употреблялась обыкновенно в ином смысле, однако сейчас Ирине было не до казуистических тонкостей.

Игнатий тихо охнул и так крепко прижал Ирину к себе, что она услышала (а может быть, ей это просто почудилось), как захрустели обручи кринолина. «Наверное, эти кошмарные юбки нарочно придумали, чтобы не давать влюбленным крепко прижиматься друг к другу!» — сердито решила Ирена.

Дыхание Игнатия сделалось прерывистым; Ирена и сама задыхалась в его крепких объятиях, однако и не помышляла прервать их.

Кровь стучала в висках.

«Я сейчас упаду в обморок! — изумленно подумала она. — Лишусь чувств от страсти! Так вот она какая — страсть!»

Вдруг губы Игнатия, оторвавшись от ее рта, скользнули по шее к изгибу плеча и прижались к нему, точно раскаленное клеймо.

Ирена испуганно вскрикнула, уперлась руками в его грудь, и Игнатий выпустил ее мгновенно, повесил голову, бессильно опустив руки.

— Вы отвергаете меня... — прошелестел чуть слышно.

«Ого! — едва не воскликнула Ирена. — А что было только что? Это называется — отвергать?! Еще чуть-чуть — и мы дошли бы до... до...»

Тут мысли ее бестолково заметались, ибо она не знала, до чего бы они дошли. Наверное, до того самого обряда, который превращает девушку в женщину.

«Она стала женщиной!» — произнесла мысленно Ирена голосом Лидочки Константиновой... И вот она уже идет в своем светло-зеленом платье с белыми рукавчиками и воротничком по дортуару¹, или встает из-за парты в классной комнате, или приседает в реверансе на уроке танцевания, а изо всех углов смотрят на нее девчонки, умирая от любопытства, и шушукаются, почти не размыкая губ, как исхитрились научиться переговариваться — первейшая из наук! — под неусыпными взорами классных дам: «Она стала женщиной! Сокольская стала женщиной!»

Вздор. Никем она не стала. Как Ирена ни наивна, она все-таки не та конфузливая до дикости, потешная, жеманная институтка, какой вышла из Смольного два года назад, и прекрасно понимает, что от первого в жизни поцелуя дети еще не рождаются. Но не смешно ли, что для нее еще имеют какое-то значение прежние институтские каноны?!

Там, в Смольном, они сидели в заточении, как сказочные царевны в замке Кощея. Все только и ждали выпуска. Жизнь представлялась сплошным балом под звуки вальса и мазурки. Почти все подружки уже нашли в этой бальной круговерти постоянного кавалера: вышли замуж. К хорошеньким, пылким и неопытным смольняночкам (особенно

¹ Дортуар — спальня в закрытом учебном заведении.